

Киреев А. А. К старокатолическому вопросу: (Письмо к редактору) // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 2. С. 320–334 (3-я пагин.). (Начало.)

Къ старокатолическому вопросу.

(Письмо къ редактору) ¹⁾.

Продолжительное пребываніе за границей лишило меня возможности слѣдить за тѣмъ, что писалось у насъ дома о старокатолическомъ вопросѣ. Въ иностранныя газеты попало лишь одно письмо, напечатанное въ Церковномъ Вѣстникѣ, по поводу отвѣта старокатоликовъ на донесеніе Коммиссіи, учрежденной св. Синодомъ для сношеній съ старо-

¹⁾ Въ Сентябрѣ минувшаго года достоуважаемый о. Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ обнародовалъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ высокой важности документы по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ нашею православною церковію, а именно: донесеніе Святѣйшему Синоду особой, учрежденной по этому вопросу въ С.-Петербургѣ, коммиссіи и отвѣтное мнѣніе старокатолической коммиссіи, учрежденной въ Роттердамѣ. Документы эти предлагались, по заявленію о. протопресвитера, „для интересующихся дѣломъ старокатоликовъ—этихъ единственныхъ на западѣ убѣжденныхъ и самоотверженныхъ читателей Церкви седми вселенскихъ соборовъ и для желающихъ знать ихъ дѣйствительное отношеніе къ православію“. — Желательно было бы, чтобы наши православные богословы остановили свое вниманіе на этихъ документахъ и оцѣнили по достоинству засвидѣтельствоваанный такимъ образомъ новый, весьма знаменательный шагъ въ исторіи старокатолическаго движенія.

Въ недавнее время редація В. В. имѣла удовольствіе получить по этому поводу письмо отъ уважаемаго А. А. Кирѣева, который съ самаго начала старокатолическаго движенія стоятъ въ близкихъ отношеніяхъ съ его лучшими представителями, и, благодаря своимъ многочисленнымъ ученымъ и публицистическимъ статьямъ и замѣткамъ, давно уже извѣстенъ въ нашей отечественной литературѣ, какъ одинъ изъ талантливыхъ и искреннихъ поборниковъ соединенія старокатоликовъ съ православною церковію. Слѣшимъ съ благодарностію напечатать его письмо въ надеждѣ, что оно еще разъ привлечетъ общественное вниманіе къ вопросу, вполне того заслуживающему, и окажетъ посылное содѣйствіе къ его разъясненію.— *Ред.*

католиками и „выясненія условій. на которыхъ могло бы состояться принятіе ихъ въ общеніе съ православной Церковью“. Письмо это, приписываемое одному изъ нашихъ просвѣщеннѣйшихъ Іерарховъ, произвело въ старо-католической прессѣ тѣмъ большее впечатлѣніе, что основные взгляды, высказанные въ немъ по вопросу объ основаніяхъ для воссоединенія и о критеріумѣ для богословскихъ изслѣдованій, тѣ же самыя, на которые указываетъ какъ на единственно вѣрные и его Святѣйшество Вселенскій Патріархъ въ письмѣ къ Профессору Мипо ¹⁾.

Не знаю, что было говорено во время моего отсутствія объ этомъ столь важномъ вопросѣ нашими учеными, но, какъ человѣкъ близко стоящій къ этому дѣлу, хотя и не причисляющій себя къ корпораціи ученыхъ, я прошу у Васъ позволенія высказать о немъ и мои скромныя сужденія. Какъ членъ православной Церкви, не скрывающей отъ мірянъ своихъ истинъ, я имѣю не только право, но и обязанность относиться къ этимъ истинамъ сознательно. „Все испытывайте; хорошаго держитесь“, говоритъ Ап. Павелъ (I посл. къ Фессалоник. V, 21). Въ нашей Церкви испытующаго не останавливаютъ словами: „Вамъ нечего разсуждать объ этомъ вопросѣ, онъ рѣшенъ, *Magister dixit!* молчите, церковная *plebs!* Не забывайте, что безъ насъ, Вашихъ пастырей, Вы и слова-то Божьяго не должны читать“. Наши Архiepастыри совсѣмъ не латинскіе „Принцы Церкви“. Между ними и нами нѣтъ той стѣны, которая чувствуется между латинскимъ Іерархомъ и мірянномъ! Вѣдь, по нашему ученію. Епископы и на Вселенскомъ соборѣ— не сочинители вѣры, не изобрѣтатели новыхъ догматовъ, а лишь свидѣтели вѣры своихъ паствъ, --вѣры, которая на соборѣ и свѣряется съ вѣрой вселенской.

И хорошо, и слава Богу, что это такъ! Такъ было въ старину, такъ должно быть и впредь. Пусть нѣкоторымъ изъ насъ свобода эта послужитъ и къ соблазну, пусть объ обоюдо-острое оружіе религіозной свободы нѣкоторые изъ насъ, менѣе осторожныя, или скажемъ даже легкомыслен-

¹⁾ Они же были приняты и тѣми православными учеными (разныхъ національностей), которые вели переговоры съ старокатоликами въ 1872—1875 годахъ.

ные, и поранять свою вѣру—что же дѣлать! возможность ошибки, возможность паденія—необходимое условіе усовершенствованія. Не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и ничего не мыслить ¹⁾. Конечно, въ религія есть такія истины, которыя не поддаются нашему анализу, но не то ли же самое видимъ мы и въ другихъ сферахъ мышленія и въ другихъ наукахъ, даже въ такъ называемыхъ „точныхъ“, въ химіи напр.? Многое изъ того, что когда-то считалось элементомъ, что не поддавалось реагентамъ, не разлагалось, нынѣ разложено, опредѣлено и понято. Однако и теперь многое остается и останется непонятнымъ, не поддающимся нашему анализу! Тоже конечно было, есть и будетъ и съ нѣкоторыми религіозными вопросами, которые остаются вѣчно объектомъ одной вѣры, которые тоже никогда не поддадутся нашему анализу; но есть ли это причина отказаться отъ испытанія и критики? Нѣтъ! напротивъ, для того, чтобы *сохранить истинную* вѣру, для того, чтобы освободить ее отъ затемняющихъ ее иногда суевѣрій, для того, чтобы сдѣлать ее способною къ передачѣ другимъ, сдѣлать ее предметомъ миссіонерства—мы должны стараться выяснитъ себѣ ея истинное значеніе, усвоить, на сколько съумѣемъ и сможемъ, ея высокія, *безграничныя* истины нашимъ *ограниченнымъ* мышленіемъ. Мы должны испытывать вѣру для того, чтобы не потерять вѣру и не остаться при одной ея внѣшней оболочкѣ, ---при томъ внѣшнемъ официальномъ единствѣ, которое ни чуть не соотвѣтствуетъ единству внутреннему—живому!

Вопросы, составляющіе нынѣ предметъ переговоровъ между нами и старокатоликами, принадлежать именнo къ разряду тѣхъ, которые способны возбудить (ангеген, какъ говорятъ нѣмцы) религіозное мышленіе, которые служили и служатъ предметомъ горячихъ полемикъ, но по которымъ въ церкви должно царствовать полное единство. Впрочемъ, вопросы эти и сами по себѣ важны, какъ касающіеся такихъ истинъ, такихъ догматовъ, знаніе и исповѣданіе ко-

¹⁾ Съ такой свободой мѣрять въ дѣлахъ Церкви, не должно смѣшивать вліянія мірскихъ властей (Государства) на дѣла церкви. Государство, какъ таковое, должно лишь устранять препятствія на пути, по которому идетъ Церковь, а не навязывать свои желанія и фавориты Церкви, которая съ нимъ соотнесена.

торыхъ обязательно и для каждаго отдѣльно взятаго православнаго Христіанина!

Если бы дѣло шло собственно о догматахъ православной церкви, объ обязательныхъ богооткровенныхъ истинахъ, въ ихъ простомъ первоначальномъ видѣ, православнымъ было бы не особенно трудно указать ихъ и условиться въ ихъ пониманіи; къ несчастію, нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря часто неразумному желанію богослововъ дополнить ихъ своими толкованіями ¹⁾, сдѣлались вполнѣ менѣе ясными, менѣе понятными; богословы отягчили ихъ разными дополненіями и объясненіями и этимъ затемнили ихъ. Въмѣсто того, чтобы приблизить ихъ къ душѣ чловѣка, стремящейся ихъ понять и усвоить, они ихъ отдалили и сдѣлали менѣе доступными! Таковы именно результаты большей части такъ называемыхъ „благочестивыхъ мнѣній“, школьныхъ (большею частію средневѣковыхъ) ученій, при помощи которыхъ ученые старались объяснить необъяснимое и достигнуть недостижимаго!

Изъ числа вопросовъ, обсуждавшихся комиссіями (нашей и ст.-католической), я позволю себѣ высказаться о двухъ, которые когда-то были гораздо проще, а нынѣ усложнились именно благодаря неудачнымъ поясненіямъ: это вопросы о „Filioque“ и о „Трансубстанціаці“. Первый входитъ въ ученіе объ отношеніяхъ между ипостасями Св. Троицы, второй въ ученіе о таинствѣ св. Евхаристіи.

Относительно Filioque старокатолики говорятъ: несомнѣнно вставка этихъ словъ въ символъ вѣры безусловно неправильна и незаконна. Незаконно тоже и совершившееся при этомъ возведеніе частнаго мнѣнія (хотя бы и наибольшей и могущественнѣйшей помѣстной Церкви) въ догматъ. Догматъ есть то, во что вѣрили всѣ, всегда и вездѣ, а въ Filioque вѣрятъ и вѣрили не всѣ, не всегда и не вездѣ, стало быть это не догматъ, и мы, старокатолики, какъ таковой его и *отвергаемъ*. Старокатолики могли бы, по настоящему, этимъ отвѣтомъ, чисто формальнаго свойства, и ограничиться, но они не Іезуиты, не дѣлаютъ „reservationem mentalem“ и

¹⁾ Вѣдь и возникновеніе главныхъ ересей первыхъ пяти столѣтій, для борьбы съ которыми были созваны первые четыре Всел. собора, имѣли ту же причину!

прямо заявляютъ, что, отвергая всякое догматическое значеніе Filioque, они находятъ въ немъ *нѣкоторую* условную *частичную* истину; они ссылаются при этомъ на свидѣтельства многихъ отцевъ и восточной Церкви.

Можемъ ли мы имъ это дозволить? или должны мы имъ запретить имѣть объ этомъ дѣлъ свое мнѣніе? (частное и ни для кого не обязательное) ¹⁾.

Полагаю, что на второе мы не имѣемъ такого права.

Постараюсь это доказать.

Въ Filioque заключается нѣкоторая частичная истина, хотя совсѣмъ не та, которая выражается буквальнымъ смысломъ этихъ словъ ²⁾. Буквально понятія слова Filioque (и отъ Сына) даютъ видимое основаніе предполагать, что латиняне признаютъ два начала бытія Св. Духа, чего они въ дѣйствительности никогда не признавали, пугаясь, конечно, въ своей аргументаціи и стараясь доказать тождественность между „per Filium“ и „ex Filio“ ³⁾.

Какая же именно доля истины можетъ заключаться или заключается въ выраженіи Filioque?

На этотъ вопросъ должно, мнѣ кажется, отвѣчать слѣдующее:

Въ Filioque заключается не то, что выражаютъ буквально эти слова, а нѣчто совершенно другое. Это другое не имѣетъ, конечно, *догматическаго* значенія, а составляетъ лишь богословское, необязательное мнѣніе. (Раздѣляемое, впрочемъ, и нѣкоторыми отцами Восточной Церкви). Въ чемъ же состоитъ это другое? Какая это „частичная истина“, которая, впрочемъ, можетъ быть понимаема и излагаема различно? Какія могутъ быть ея *законныя* толкованія?

Нѣкоторые изъ нашихъ богослововъ, или вѣрнѣе изъ усердныхъ православныхъ говорятъ: мы признаемъ, что Христосъ обѣщалъ своимъ ученикамъ послать имъ „Утѣшителя Духа истины“, и дѣйствительно послалъ имъ Его въ день пятидесятницы; но далѣе этого мы ничего не знаемъ, не

1) Маркъ Эфесскій соглашался на такую постановку вопроса на Флорентійскомъ соборѣ.

2) Это замѣчаніе относится и до выраженія „Transsubstantiatio“.

3) Такъ именно ставилъ вопросъ, на Флорентійскомъ соборѣ доминиканецъ Іоаннъ главный противникъ Марка Эфесскаго (См. протоколъ засѣданія XXIV).

желаемъ и не можемъ ничего знать. Согласно сему, мы даже запрещаемъ всеѣмъ другимъ желать и стараться знать что нибудь далѣе и болѣе того, что сказано въ текстѣ Евангелія отъ Іоанна.

Такое требованіе лишено, мнѣ кажется, всякаго основанія; если святые и отцы церкви думали о сей великой тайнѣ, старались ее постигнуть и усвоить, то подобное же стараніе со стороны и каждаго православнаго, не желающаго останавливаться на одной внѣшней формулѣ, старающагося по мѣрѣ своихъ силъ проникнуть въ ея сокровеннѣйшій смыслъ, — можетъ быть лишь признано похвальнымъ и вполне законнымъ!

Какъ же слѣдуетъ истолковать фактъ посланія (во времени Христомъ—Св. Духа? Фактъ этотъ выражаетъ силу, способность Сына посылать Св. Духа въ міръ. Эта способность, (сила, свойство) конечно, присуща посылающему, иначе не могло бы состояться и посланіе, т. е. произойти и самое *явленіе*, которое вѣдь есть лишь проявленіе извѣстныхъ силъ.

Когда дѣло идетъ о твари, появляющейся во времени, о человѣкѣ, можно, конечно, допустить, что человѣкъ этотъ сегодня имѣетъ одно свойство, завтра другое, что обстоятельства, въ которыхъ ему приходится дѣйствовать, безусловно вліяютъ на его дѣятельность, что подъ вліяніемъ однихъ—онъ можетъ приобрести извѣстныя свойства, извѣстныя способности, подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ можетъ ихъ лишиться, и т. п., все это понятно, но можно ли допустить такое различіе въ способностяхъ и силахъ, различіе, свойственное человѣку, созданному во времени, существующему и погибающему,—допустить у Существа Вѣчнаго, Всемогущаго и Неизмѣннаго — однимъ словомъ — Бога! Конечно, свойства Бога проявляются во времени, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ Его къ человѣку (который живетъ во времени), но несомнѣнно все эти свойства и силы должны принадлежать Ему и вѣчно и притомъ въ безусловныхъ размѣрахъ, иначе мы должны бы были допустить нелѣпую гипотезу нѣкоторой измѣняемости, способности развитія и совершенствованія—въ существѣ безусловномъ, неизмѣняемомъ и совершенномъ, что было бы полнѣйшимъ „противорѣчіемъ въ приложеніи“ „*contradictio in adjecto*“. Стало бы свой-

ство (способность, сила) посланія Св. Духа должна быть признана какъ *вѣчно присущая* Сыну (хотя и проявившаяся во времени). Вотъ, мнѣ кажется, та частичная истина, которая заключается въ ученіи о Filioque ¹⁾.

Нѣкоторые православные, желающіе оставаться въ предѣлахъ текстуальнаго пониманія сего вопроса, (изъ опасенія обвиненія въ латинствѣ), предлагаютъ такое толкованіе: Богъ—Сынъ обладалъ не всегда свойствомъ посланія Бога Духа, а получилъ его какъ бы въ награду за Свое служеніе, за крестную смерть! Не очевидно ли, что такое толкованіе принижаетъ Бога, ставитъ Его въ какое-то положеніе, подобающее не Богу, а твари. Награда, которой Богъ—Сынъ удостоился лишь на 33-мъ году своей земной жизни! Это ужъ очень не отдалено отъ аріанскихъ мечтаній!

Перехожу къ другому пункту—къ Св. Евхаристіи, или вѣрнѣе къ одному слову, сюда относящемуся,— слово это „Transsubstantiatio“, „Пресуществленіе“.

Въ схемѣ Quaestionum Controversarum, посланной въ 1874 г. нашимъ отдѣломъ Общества любителей Духовнаго Просвѣщенія старокатоликамъ, о Трансубстанціаціи не говорится

¹⁾ Было-бы хорошо, если бы старокатолики понимали Filioque такъ, какъ предлагаетъ объяснять его авторъ; но, къ сожалѣнію, ихъ способъ пониманія имѣетъ совершенно иной характеръ. Въ качествѣ „богословскаго мнѣнія“ они желаютъ удержать ту мысль, что Filioque относится *не къ посланію Духа Святаго въ міръ* (въ какомъ-бы широкомъ смыслѣ оно ни понималось), а къ *Его предвѣчному исхожденію*. Но ихъ воззрѣнію „рождающийся Сынъ соучаствуетъ въ изведеніи Св. Духа — такъ или иначе, активно или пассивно, т. е. или содѣйствуетъ Отцу *дѣлающе* въ изведеніи Св. Духа, или же по крайней мѣрѣ *пассивно* участвуетъ въ этомъ актѣ, представляя собою какъ бы среду, чрезъ которую проходитъ Духъ Св. при исхожденіи отъ Бога Отца“. Въ своемъ мнѣніи о донесеніи С.-Петербургской Коммисіи Святейшему Синоду старокатолики рѣшительно заявляютъ: нельзя требовать, чтобы и въ богословіи умозрѣніи избѣгаемъ былъ всякій образъ представленія о Сынѣ, какъ о вторичной причинѣ или Сопрічинѣ (Mitursache) Святаго Духа“. Они полагаютъ, что „обыкновеннымъ ученіемъ отцевъ на востокѣ всегда, а на западѣ до Августина“ было учене „объ имманентномъ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына“, при чемъ Сынъ признавался такимъ образомъ „вторичною причиною Св. Духа“, а потому они „думаютъ, что столь глубоко основанное въ сознаніи древлецерковнаго богословія мнѣніе и теперь должно быть дозволено какъ выраженіе не откровенной, конечно, истины, а человеческого умозрѣнія“ (Мнѣніе учрежденной въ Роттердамѣ Коммисіи. См. Церков. Вѣст. 1896 г. № 39 стр. 1259—1260).— *Ред.*

ни слова. Мы знали, что старокатолики исповѣдуютъ тотъ-же догматъ, который признаемъ и мы (признаютъ и римско-католики), и не ставили имъ никакого относящагося къ сему вопроса.

Но съ тѣхъ поръ противъ старокатоликовъ было поднато довольно неожиданное обвиненіе въ томъ, что они протестантствуютъ въ ученіи о Св. Евхаристіи, такъ какъ избѣгаютъ слова „Пресуществленіе“.

Подобно „Filioque“ и этотъ терминъ—„Transsubstantiatio“ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, какъ тщетны римско-католическія измышленія, стремящіяся объяснить необъяснимое. Filioque—самое неудачное выраженіе для той справедливой мысли, которая имѣлась (или вѣрнѣе — можетъ имѣться въ виду, при обсужденіи вопроса о „Посланіи“). То же должно сказать и о выраженіи „Transsubstantiatio“;—оно нисколько не соответствуетъ тому правильному понятію, которому оно призвано служить выраженіемъ.

Въ донесеніи православной комиссіи Свят. Синоду высказывается мысль о необходимости, чтобы старокатолики, утверждающіе, что подъ видами хлѣба и вина они пріемлютъ тѣло и кровь Иисуса Христа, высказались яснѣе, устранили бы всякое на этотъ счетъ недоразумѣніе (въ ихъ катихизисахъ нѣтъ упоминанія „о пресуществленіи“). Нужно стало быть, чтобы они выяснили, есть-ли какое-либо различіе между ними и римско-католиками въ догматическомъ ученіи о св. евхаристіи.

На это мы находимъ, миѣ кажется, совершенно удовлетворительное разъясненіе въ отвѣтѣ старокатоликовъ. Они говорятъ что въ утрехтской деклараціи 1889 года ¹⁾ упомянуто объ евхаристіи лишь по желанію голландскихъ старокатоликовъ ²⁾ и для того, чтобы отклонить отъ старокатолицизма всякое подозрѣніе въ склонности къ кальвинизму. Что касается до самого слова „Transsubstantiatio“, то его избѣгали, такъ какъ оно не было въ употребленіи въ древней (нераздѣленной) церкви, и могло подать поводъ

¹⁾ Это одинъ изъ документовъ, на основаніи которыхъ наша православная (синодальная) комиссія обсуждала православность старокатолическаго ученія.

²⁾ Голландцы люди вообще крайне консервативнаго образа мыслей.

къ недоразумѣнiямъ. На вопросъ, есть-ли разность между панистическимъ и старокатолическимъ ученiями о св. евхаристiи, продолжаютъ старокатолики, должно отвѣчать *отрицательно*, если отдѣлнть *неизмѣнно установленное, догматическое* ученiе Церкви отъ школьныхъ гнѣнiй. Старокатолики признають догматическимъ, неизмѣнно-установленнымъ ученiемъ (*dogmatisch unabänderlich feststehend*), опирающимся (*gestützt*) на Священное Писанiе и на древнюю Церковь слѣдующее: „Въ свят. евхаристiи причащающiйся принимаетъ тѣло и кровь Христа, и хотя для чувствъ они кажутся (*zu sein scheint*) хлѣбомъ и виномъ, но суть *истинно, дѣйствительно и существенно* (*vere, realiter. et substantialiter*) тѣло и кровь Христа“.

Кажется, ничего яснѣе и опредѣленнѣе этого изложенiя быть не можетъ; оно должно бы успокоить и всѣхъ поборннковъ латинскихъ выраженiй и объясненiй необъяснимаго: даже самое слово „существенно“—имѣется на лицѣ: („*существо*“, „*Substantia*“) *substantialiter*—чего же болѣе?

Догматъ. стало-быть, стоитъ твердо; каждый старокатоликъ можетъ съ спокойной совѣстью повторять тѣ чудныя слова, которыя повторяетъ православный передъ св. причащенiемъ; онъ точно такъ-же не смущаясь можетъ подннсаться и подъ формулой, предшсываемой нашимъ чиномъ присоединенiя, установленнымъ для присоединенiя латинянъ, лютеранъ и кальвинистовъ.

Оговариваются старокатолики не противъ нашего догмата, а противъ усилiй (совершенно тщетныхъ), дѣлаемыхъ тѣми, которые желаютъ объяснить, какъ *дѣлается* преложенiе, не противъ *результата* чуда, а противъ объясненiй самаго *хода* чуда. Попытки можетъ быть и благочестивыя,— но едвали могущiя дать какой-либо удовлетворительный результатъ!

Старокатолики намъ говорятъ совершенно ясно, что они безусловно принимаютъ и исповѣдуютъ наше догматическое ученiе; но не въ правѣ ли они спросить у насъ, зачѣмъ мы хотимъ навязать имъ и разныя *слова*, выработанныя школой; это тѣмъ болѣе излишне, что и самыя споры о нихъ потеряли на западѣ, гдѣ они возникли, всякое научное значенiе. Ученiе о транссубстанциаци, говорятъ старо-

католики въ своемъ отвѣтѣ, основано на аристотелевыхъ опредѣленіяхъ (о субстанціи и ея акциденціяхъ), опредѣленіяхъ, которыхъ, въ настоящее время, никто уже не придерживаеся! Ни одинъ образованный папистъ, продолжаютъ они, не рѣшится защищать пресуществленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ катихизисѣ Пія V (умер. 1565)...: „по освященіи хлѣба и вина въ нихъ остаются лишь ихъ акциденціи, на мѣсто-же *ихъ* субстанціи является субстанція тѣла и крови Христа, и притомъ такъ, что въ евхаристіи вкушаются кости, нервы и все отдѣльныя части тѣла“.

Неужели такой цитаты недостаточно для того, чтобы убѣдить, что углубляться въ теорію трансубстанціаціи едва-ли полезно, что она едва ли послужитъ къ выясненію, возвышенію нашей вѣры. *къ одухотворенію нашей религіозности*. Не охватываетъ ли душу нѣкоторый ужасъ при чтеніи такой матеріалистическо-богословской анатоміи. Къ чему она! что она выясняетъ, можетъ ли возвысить нашу душу такая кошунственная схоластика!?

То, что говорятъ ст. католики объ евхаристіи, можетъ, мнѣ кажется, вполне успокоить тѣхъ, которые подозреваютъ ихъ въ лютеранскихъ или даже кальвинистическихъ стремленіяхъ, а такъ какъ они употребляютъ даже и выраженіе „субстанціи“ (столь дорогое послѣдователямъ Пасхазія Радберта, родоначальника теоріи трансубстанціаціи) то казалось бы, что вопросъ этотъ можно считать исчерпаннымъ. Для большей убѣдительности я позволю себѣ однако представить еще нѣсколько дополнительныхъ соображеній.

Для человѣка, привыкшаго съ давнихъ поръ видѣть извѣстныя истины облеченными въ постоянныя знакомыя ему формулы, трудно отрѣшиться отъ ихъ виѣшности; смутно трудно повѣрить что эти истины *могутъ быть* облечены и въ совершенно иныя формы; это въ особенности вѣрно относительно вопросовъ религіозныхъ. Чѣмъ выше истина, чѣмъ она менѣе доступна нашему пониманію, тѣмъ упрямѣе отстаетъ та формула, къ которой люди привыкли, хотя бы, по зрѣломъ обсужденіи ея, оказалось, что она уже нигде не годится, что она взята давно изъ какой нибудь науки, которая сама съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилась

(философія); наконецъ, что она была нами усвоена вслѣдствіе совершенно спеціальныхъ причинъ, теперь уже несуществующихъ. Именно это мы и находимъ въ ученіи о транс-субстанціи. Оно соотвѣтствовало философскому развитію известной эпохи, но уже не соотвѣтствуетъ философскому развитію нашей. Мы переросли схоластическую философію и ея номенклатуру и не можемъ уже ею довольствоваться.

Терминъ „Transsubstantiatio“ „Пресуществленіе“ хотя и введенъ въ Богословіе, принадлежитъ однако сферѣ чисто философской; протестовать противъ этого едва ли возможно, а если мы произносимъ какое нибудь слово, то вѣдь необходимо стараемся его и *понять*, а не повторять его чисто механически!

Что же значить слово „Transsubstantiatio“, „Пере (или пре) существленіе“? Оно значить переходъ изъ *одной* субстанціи въ *другую*. Но вѣдь это, очевидно, предполагаетъ одновременное существованіе *разныхъ субстанцій*, что совершенно недопустимо. Въ разговорномъ языкѣ, конечно, случается смѣшивать слова субстанція, эссенція, химическое основаніе, экстрактъ и т. п. Но, въ данномъ случаѣ, когда философскимъ терминомъ желаютъ выяснить богословское ученіе, придется быть точнымъ. Субстанція есть *отвлеченное понятіе*, къ которому мы вынуждены прибѣгнуть, когда стараемся отдать себѣ отчетъ о явленіяхъ видимаго міра. „Субстанція“ есть *предполагаемое* основаніе всего того, что ощущаютъ наши чувства. Всякое явленіе, конечно, предполагаетъ нѣкоторое основаніе, на которомъ оно происходитъ, но о самомъ этомъ основаніи (объ этой „субстанціи“) мы не можемъ имѣть никакого понятія; рассказывать что либо о ней, послѣ кантовской критики чистаго разума, по меньшей мѣрѣ — рискованно, а утверждать, что каждому явленію (каждой, по схоластической терминологіи, акциденціи) соотвѣтствуетъ особая присущая ему субстанція, невозможно, не впадая въ самое очевидное противорѣчіе. Понятіе о субстанціи дастъ намъ средство отъ множества явленій перейти къ *единому* космосу, чтобы всѣ эти явленія объединить и обнять единой мыслью; предполагать много субстанцій значило бы именно отказаться отъ возможности такого объединенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ снова оказаться передъ новымъ, лишь болѣе отдаленнымъ

явленіемъ (передъ новою акциденціей); мы уже имѣли бы передъ собой не субстанцію, а лишь новое явленіе. Что можемъ мы извлечь изъ всѣхъ этихъ разсужденій? Можно ли думать, что мы хоть на волосъ выяснимъ чудо преложенія, вступая въ эти дебри схоластической философіи? Изъ дебрей этихъ мы можемъ выльзти, лишь ставъ на чисто матеріалистическую точку зрѣнія, утверждая, что субстанція есть нѣкій усиленный экстрактъ изъ каждаго существа (феномена, подпадающаго подъ наши матеріальныя чувства), но это будетъ уже не богословіе, а фармаконія!

Нѣкоторые возражали мнѣ на такое разсужденіе: „вольное же Вамъ заводить все дѣло въ какую-то философію, написано „Пресуществленіе“, „Transsubstantiatio“, ну, и читайте и повторяйте „Transsubstantiatio“, не мудрствуя лукаво! Не глупѣе Васъ старики, однако они говорили „Пресуществленіе“. Но вѣдь на это чисто раскольничье разсужденіе можно возразить, что другіе старики, еще старѣйшіе (да еще признаваемые всею вселенскою *отцами* *ея*), никогда и не слыхивали о Transsubstantiatio. Вѣдь и народъ сталъ теперь другой; конечно, тѣмъ, которые считали неяденіе телятины или хожденіе по субботамъ въ баню догматами церкви, тѣмъ, которые считали число 7 священнымъ, и т. п., можно было отвѣчать „сказано—такъ ты и повторяй“. Но вотъ—теперь не слушаютъ, говорятъ: „когда Христосъ говоритъ „иже отъ Отца исходитъ“ такъ я и повторяю, не мудрствуя лукаво: „иже отъ Отца исходитъ“; и опять: когда Христосъ говоритъ „сіе есть тѣло мое“, и я готовъ съ вѣрою и умиленіемъ говорить „сіе есть тѣло твое“, а вздумаете Вы объяснять „что“, молъ и „какъ“ все это совершается, когда Вы обращаетесь къ моему разуму, хотите мнѣ что-то доказать, такъ я *и долженъ* разсуждать, *я и въ правѣ* требовать чтобы, Ваше разсужденіе было ясно, убѣдительно, логично!

Другіе, отступая по видимому и отъ Аристотеля и отъ Канта, возражаютъ: „Вы, можетъ быть, совершенно правы, говоря объ *единой міровой* субстанціи, но вѣдь въ пресуществленіи субстанція *міровая, созданная*, превращается въ субстанцію божественную, несозданную: „Ну, объ этой аргументаціи мы будемъ говорить, когда мы сообразимъ, что такое субстанція Бога и какія у нея акциденціи!

И зачѣмъ все это? Зачѣмъ смущать современнаго христіанина этими ничего не объясняющими объясненіями? Старавія подойти рационалистически къ чуду преложенія, превращенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь—совершенно праздно и излишни! И съ какихъ это поръ исповѣданіе вѣры вселенской семисоборной апостольской церкви признается уже недостаточнымъ для того чтобы быть православнымъ?

Допуская, что выраженіе „Пресуществленіе“ встрѣчается уже у Геннадія Схоларія (ум. 1464), мы не можемъ смотрѣть на это иначе, какъ на совершенно личную попытку объяснить чудо преложенія. Это до такой степени вѣрно, что Патріархъ Іеремія II (ум. 1594) въ цѣломъ своемъ двухтомномъ сочиненіи, написанномъ въ отвѣтъ Крузіусу, вопрошавшему его о православіи, ни разу не употребляетъ слово „Transsubstantiatio“. А гдѣ-же было и употребить его, какъ не въ полемикѣ (хотя бы и дружественной) съ однимъ изъ представителей „новой ереси“?

Уже много лѣтъ спустя, на Ясскомъ соборѣ (1642 года) осуждены извѣстныя ученія кальвинскаго пошиба, приписывавшіяся Кириллу Лукарису. Но въ лицѣ „нѣкоторыхъ послѣдователей“ новыхъ ересей обвиненіе косвенно могло направиться и противъ всей Восточной церкви, въ которой обѣ спорящія на западѣ религіозныя партіи искала союзницу.

Понятно, что при такихъ условіяхъ предстоятели патріархатовъ считали полезнымъ прибѣгать въ своихъ писаніяхъ къ такимъ выраженіямъ, которыя должны были отнять у кальвинистовъ всякую надежду найтти на Востокъ какую бы то ни было поддержку. Понятно потому, какимъ образомъ у насъ появился терминъ „Пресуществленіе“, какъ онъ вошелъ (хотя съ существенными оговорками) и въ посланіе Восточныхъ патріарховъ 1723 г., въ документъ явно боеваго, полемическаго характера. Эти обстоятельства необходимо имѣть въ виду и при разсмотрѣніи постановленій Виллемскаго (Іерусалимскаго) собора 1672 г.

Въ божественной литургіи, а также и въ чинѣ присоединенія не только католиковъ, но и *лютеранъ* нигдѣ не упоминается о „пресуществленіи“, а всюду говорится о „преложеніи“ (по нѣмецки „Wandlung“). Этимъ непреложно доказывается, что церковь наша ничего иного и не требуетъ какъ вѣры въ преложеніе; стало-быть, требовать что-либо

личнее— по меньшей мѣрѣ *неосновательно!* Если наша *Церковь* этимъ удовлетворяется, едва ли слѣдуетъ сынамъ Бя быть требовательнѣ ихъ матери; право—она знаетъ, что ей пужно и чему слѣдуетъ вѣрить ея дѣтямъ! ¹⁾).

Наши страхи передъ протестантизмомъ, я полагаю, очень преувеличены. Протестантизмъ объединенъ менѣ насъ—Православныхъ. У насъ есть догматическое единство (не смотря на наши раздоры, на нашу отчужденность другъ отъ друга). У протестантовъ нѣтъ этого. Собственно въ Россіи протестантизмъ имѣлъ *нѣкоторые* шансы на успѣхъ лишь въ эпоху Петра Великаго и, можетъ быть, при Аннѣ Иоанновнѣ, когда въ Св. Синодѣ чуть не назначили, съ правомъ голоса, лютеранина; но ни тогда, ни теперь серіозныхъ шансовъ на успѣхъ протестантство, какъ таковое, у насъ не имѣло и имѣть не можетъ (Русскій—по природѣ своей—не рационалистъ). Современныя прискорбныя явленія отрицательнаго характера, происходящія въ Россіи, связаны съ протестантизмомъ совершенно внѣшне, случайно. Коренятся они въ нѣкоторыхъ устранимыхъ недостаткахъ нашей церковной жизни, нашего церковнаго устройства. Несравненно опаснѣе для насъ латинство (конечно, не по своей внутренней правдѣ, а лишь по своему единству, по своей боевой организаціи). Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ лишь взглянуть на востокъ, гдѣ, благодаря нашей неумѣлости и близорукости (и въ особенности нашей разрозненности) мы, потеряли уже, и теряемъ еще и теперь, — такъ много. Да и среди насъ, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, гораздо болѣе явныхъ и тайныхъ ренегатствъ въ сторону воинствующаго папы, нежели въ сторону Лютера.

Позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу письма, напечатаннаго въ 44 № Церковнаго Вѣстника.

Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ затронуть вопросъ о нашей оборонительной войнѣ съ латинствомъ, указывается на значеніе *и въ этомъ отношеніи* старокатоличества; указаніе совершенно вѣрно, но старокатоличество можетъ

1) С. Петербургская коммисія въ своемъ донесеніи Свят. Синоду устанавливаетъ, повидимому, полное тождество между терминами „преложеніе“ и „пресуществленіе“. (Церк. Вѣст. 1896 г. № 38, стр. 1222). Ясно, что она отношь не становится на сторону схоластическаго толкованія термина „пресуществленіе“. — *Ред.*

сослужить намъ великую службу и въ отношеніи нашихъ согражданъ польской національности.

Я не буду разбирать теперь этого вопроса, ограничиваюсь указаніемъ на него. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что причина остраго характера польскаго вопроса кроется не столько въ его политической сторонѣ, сколько въ религіозной; не подлежитъ сомнѣнію и то, что многіе поляки, для которыхъ религія имѣетъ еще этическое значеніе (а не только значеніе политическаго знамени), тяготятся новымъ положеніемъ, созданнымъ опредѣленіемъ Ватиканскаго собора (непогрѣшимость). Въ старокатолицизмѣ—скрыто рѣшеніе польскаго вопроса! Поймемъ ли это мы? Поймутъ ли это наши католическіе сограждане? ¹⁾.

А. Куръевъ.

Павловскъ.

1) Когда настоящее письмо было уже напечатано, мы получили январскую книжку „Православнаго Собесѣдника“, гдѣ помѣщена первая статья проф. В. Керевскаго, подъ заглавіемъ „Старокатолическій вопросъ въ новѣйшее время. (По поводу переговоровъ между Русской и Старокатолической комиссіями).“ Статья посвящена критическому изслѣдованію воззрѣній старокатоликовъ относительно Filioque.—Душевно радуемся, что современное положеніе старокатолическаго вопроса стало предметомъ изслѣдованія уважаемаго профессора, голосъ котораго тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что богословская наука знаетъ его спеціальныи трудъ о старокатолициствѣ, изданный въ 1894 году.—*Ред.*